

Сладкий дым не отечества. Андрей Архангельский – о романе релоканта

Андрей Архангельский

менее минуты назад

 Приоритетный источник в Google

Российская литература сегодня подобна льдине, которая раскололась надвое – обе половины дрейфуют с большой скоростью в разные стороны, разъезжаются все дальше друг от друга. Все сильнее отличается опыт, все ощутимее разница жизненных обстоятельств. Лавина нынешней эмигрантской литературы стремится компенсировать – если не качеством, то количеством – немоту, помалкивание прозы "материковой".

Autofiction – один из самых популярных жанров в эмиграции (не считая, конечно, антиутопии). Издательство Freedom Letters подхватило эту волну, создав для молодых авторов специальную новую серию, причем в кратчайшие сроки – меньше чем за год. Само название серии "Пока" весьма красноречиво описывает состояние пишущих, их жизнь на перепутье – между миров – и с ощущением статуса "временного", который никак не превратится во что-то постоянное.

Свобода высказывания, отсутствие необходимости опасливо оглядываться после каждого слова играет со многими авторами-релокантами злую шутку: описания собственных злоключений и приключений, которые кажутся уникальными, на проверку оказываются досадно похожими друг на друга. Книга [Сорина Брута](#) "Роман неотправленных писем" существенно отличается от этого потока.

Во-первых, основным стержнем книги является внутренний диалог автора с самим собой, который маскируется под переписку с воображаемым (или все-таки существующим?) другом. Автор не стремится к социальным или политическим обобщениям; мало того, он всеми силами бежит в личное, в интимное (пытаясь залечить еще и собственную жизненную драму). Но, как это часто бывает с прозой, личное бегство становится неожиданно отражением коллективного опыта новой эмиграции. В этих письмах без адресата мы опознаем так или иначе описание собственных внутренних страхов, мыслей, надежд, которыми не с кем поделиться.

Одиночество – тема многих, если не всех релокантских книг. Вопрос, опять же, в том, как именно используют его авторы. Метод Сорина Брута – вступить с одиночеством в диалог, сделать его своим собеседником, превращая из врага в соратника. Высекая из этой патовой ситуации странное вдохновение. В этом диалоге с невидимым, но вездесущим и многоликим собеседником автор доходит до некоего нулевого состояния, когда теряет ощущение собственной реальности. *"Пол, пол, пол трескается подо мной. Я все жду, когда он провалится и освободит меня. Когда рухнут перила и меня за собой утянут. Я все жду, но клетка крепче. Стихия дразнит: треснешь ли сам или нет? Может быть, если сломаешься, как раз и сумеешь выбраться?"*

СМОТРИ ТАКЖЕ

Шепоты и крики. Андрей Архангельский – об акциях оппозиции

Другое имя воображаемого собеседника – Отсутствие; понятие, знакомое нам еще по прозе экзистенциалистов – Сартра или Камю 1930-40х годов. *"Тогда кто я? Никто. Это самое точное слово. Но Никто продолжает писать тебе"*. В сущности, после 2022 года нам всем приходится пересобрать себя, чтобы родиться заново. Это перерождение возможно только в экзистенциальной тишине – которая помогает расслышать себя, и которая и является необходимым условием для внутреннего

диалога (по Ханне Арендт). Эта тишина для поколения 30-летних россиян (Сорину как раз 30) есть испытание, вероятно, особенно мучительное; рожденные в конце 1990-х, они привыкли жить среди постоянного звукового и визуального шума.

Стоит поэтому оценить внимательность автора к тихим мелочам быта. Любые заурядные или случайные события он умеет превратить в метафору. Например, пух, который летит из прохудившейся куртки. В прежние времена в сходных обстоятельствах литературный герой мог, как мы помним, отдать одежду в починку (известная песня Окуджавы – "Я много лет пиджак ношу. Давно потёрся и ненов он. И я зову к себе портного и перешить пиджак прошу..."). В нынешних условиях даже мысль о починке герою не приходит в голову. Напротив: этот пух, летящий из нас, символизирует прощание с иллюзиями прошлого, и мы наблюдаем за этим саморазрушением с каким-то гибельным восторгом. *"Недавно, когда я бродил по берегу Есентая, рукав зацепился за острие забора и надорвался, и перья так странно разлетались в сером воздухе над почти безлюдной заснеженной набережной. Рукав пустел, и я чувствовал, как начинает мерзнуть рука, не защищенная птичьим пухом. Залепил пластырями, а зашивать не стал. Зима закончилась – ничего, раненым пусть подождет до следующей, видимо, тоже алматинской зимы"*. Этот пух – метафора истончившегося, прохудившегося, дырявого существования. Катастрофу 2022 года нельзя пережить, изъять из памяти, зашить: с ней придется отныне жить до конца дней.

**“ Катастрофу 2022 года
нельзя пережить, изъять
из памяти, зашить: с ней
придется отныне жить до
конца дней**

Страдания автора тут, можно сказать, утрированно литературны; в этих постоянных отсылках к тем или иным культурным ассоциациям (мифы, кино, книги, архитектура) в прежние времена можно было бы увидеть неуместное позерство. Но катастрофа 2022 года

странным образом отменила, смешала прежние конвенции в литературе – в том числе представление о модном и устаревшем. Некоторая олдскульность повествования кажется, как ни странно, вполне уместной. Все мы наспех мастерим новый фундамент бытия – и из чего же его складывать, как не из обломков прочитанного, увиденного, впитанного прежде. Культура – одна из немногих вещей, за которые мы пытаемся уцепиться как за прочное. Конечно, это тоже иллюзия, как показал опыт последних четырёх с половиной лет. Но этот фон помогает, опять же, сделать роман не просто перечислением того, куда автор пошёл, и кого встретил, как в большинстве примеров автофикшн – но обобщает этот опыт до универсального.

Еще одна составляющая этой книги – и также важный опыт релокантства – обживание в новом пространстве жизни, куда забросила судьба. Этот роман –

попытка не просто жить, но и полюбить новое пространство, в данном случае город Алматы. Автор бродит по его улицам и скверам, ища сам не зная чего. Вдохновения? Едва ли. Успокоения? Скорее просто забытья. Где-то вторым планом мелькают воспоминания о родной для автора Москве, но теперь Алматы становится подлинным героем книги, ведущим персонажем – и моделью отношения к реальности. *"Пойдем, дорогой Невидимка, я так давно хочу показать тебе Алматы. Алма-ты. Алма-я. Алма-мы".*

С Алматы автору повезло – с этим городом легко вступать в диалог, поскольку на горизонте, когда рассеется знаменитая дымка, смог, можно прочесть бесчисленные записи тех, кто побывал здесь ранее. Город этот перевидал многие волны вынужденных беглецов, в том числе от голода, войны или от слишком пристального взора власти. И в этих небесных письменах действительно можно найти успокоение, пусть хотя бы и временное.

Андрей Архангельский – журналист и культуролог

Высказанные в рубрике "Право автора" мнения могут не отражать точку зрения редакции

Этот контент также в категориях

Право автора

Культура

Мнения